

ТЭФФИ

Надежда Тэффи

Психологический факт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661985

Аннотация

«Что же со мной случилось? Почему мне хочется петь петухом, глушить водку? Конечно, это пройдет. И что же, собственно, случилось? Ведь этого даже рассказать никому нельзя. Это такая психология, от которой меня четыре дня трясет, а как подумаешь, особенно если начнешь рассказывать, то не получается ровно никакой трагедии. Так отчего же я пришел в такое вот состояние? Откуда такой психологический факт?..»

Надежда Тэффи

Психологический факт

Мне кажется, что я конченный человек.

Я уверен, что ничто мне не поможет, никакие капли, ни даже кратковременный отпуск и поездка на юг.

Я соскочил с зарубки. Я четыре дня пью, а ведь я непьющий. Я, положим, держу себя как джентльмен и даже не скандалю, но недалеко и до этого.

И как все это случилось, и почему? Я словно потерял себя.

Что же я за человек?

Вот брошу сам на себя посторонний взгляд.

Нормальный я? Конечно, нормальный. Даже более чем нормальный. Я даже чересчур хорошо владел собою. Если случалось, что меня оскорбят, я не только не скандалил, но даже, как чистейший джентльмен, в ответ только улыбался.

Я добр. Я, например, дал Пенину пятнадцать франков, зная, что тот не отдаст, и даже не попрекаю его.

Я не завистлив. Если кто-нибудь счастлив – черт с ним, пусть счастлив, мне наплевать.

Я люблю чтение. Я развитой: я достал «Ниву» за тысяча восемьсот девяносто второй год и читал ее с увлечением.

Внешность у меня приятная. Лицо полное, спокойное.

Имею службу.

Словом, я – человек.

Что же со мной случилось? Почему мне хочется петь петухом, глушить водку? Конечно, это пройдет. И что же, собственно, случилось? Ведь этого даже рассказать никому нельзя. Это такая психология, от которой меня четыре дня трясет, а как подумаешь, особенно если начнешь рассказывать, то не получается ровно никакой трагедии. Так отчего же я пришел в такое вот состояние? Откуда такой психологический факт?

Теперь спокойно поговорим о ней. Именно спокойно. И тоже бросим на нее взгляд постороннего человека.

На взгляд постороннего человека она прежде всего ужасно высока ростом. Как у нас на Руси говорилось, «на таких коров вешать». Изречение народной мудрости, хотя где бывал такой случай, чтобы коров надо было вешать? Когда их вешают? Но довольно. Не хочется тратить время на тяжелые и сумбурные размышления.

Итак – она высока и нескладна. Руки болтаются. Ноги разъезжаются. Удивительные ноги – чем выше, тем тоньше.

Она никогда не смеется. Странное дело, но этот факт я установил только теперь, к финалу нашего бытия, а прежде не то что не замечал (как этого не заметишь?), а как бы не понимал.

Затем нужно отметить, что она некрасива. Не то что на чей вкус. На всякий вкус. И лицо обиженное, недовольное.

А главное дело – она дура. Тут уж не поспоришь. Тут все явно и определено.

И представьте себе – ведь и это открылось мне не сразу. Уж кажется, бьет в глаза – а вот почему-то не поддалось мгновенному определению и баста. Может быть, оттого, что, не предвидя дальнейшего, не останавливался мыслью на ее личности.

Теперь приступим к повествованию.

Познакомился я с ней у Ефимовых (от них всегда шли на меня всякие пакости). Она пришла и сразу спросила, который час. Ей ответили, что десять. Тогда она сказала:

– Ну, так я у вас могу просидеть ровно полчаса, потому что мне ровно в половине девятого нужно быть в одном месте.

На это Ефимов, засмеявшись, сказал, что уж торопиться нечего, все равно половина девятого прошла уже полтора часа тому назад.

Тогда она обиженным тоном сказала, что будет большая разница – опоздает ли она на два часа или на три.

А Ефимов опять посмеивается.

– Значит, – говорит, – по-вашему выходит, что, например, к поезду опоздать на пять минут гораздо удобнее, чем на полчаса.

Она даже удивилась.

– Ну конечно.

Я тогда еще не знал, что она дура, и думал, что это она шутит.

Потом вышло так, что мне пришлось проводить ее домой.

По дороге выяснилось, что зовут ее Раиса Константиновна, что муж у нее шофер, а сама она служит в ресторане.

– Семейная жизнь у меня идеальная, – говорила она. – Муж у меня ночной шофер. Я прихожу – его уже нет, а когда он возвращается, меня уже нет. Никогда никаких ссор. Душа в душу.

Я думал, она острит. Нет, лицо серьезное. Говорит, как думает.

Чтобы что-нибудь сказать, спросил, любит ли она синема. А она в ответ:

– Хорошо. Зайдите, пожалуй, за мной в четверг.

Ну, что мне делать? Не могу же я ей сказать, что я ее не звал. Невежливо.

Ну и зашел.

С этого и началось.

Ведь какие странные дела бывают на свете!

Веду ее, поддерживаю под ручку.

– Вы, – говорю, – такая очаровательная.

Но ведь надо же что-нибудь говорить.

А она в ответ:

– Я об этом давно догадалась.

– О чем? – удивляюсь я.

– О том, что ты меня любишь.

Так и брякнула. Я даже остановился.

– Кто? – говорю. – То есть кого? – говорю. – Одним словом, что?

А она эдак свысока:

– Не надо так волноваться. Не вы первый, не вы последний, и любовь вообще вполне естественное явление.

Я глаза выпучил, молчу. И, заметьте, все еще не понимаю, что она дура.

А она между тем развивает дальше свою мысль и развивает ее в самом неожиданном уклоне, но чрезвычайно серьезно.

– Мы, – говорит, – мужу ничего не скажем. Может быть, потом, когда твое роковое чувство примет определенную форму. Согласись, что это важно.

Я схватился обеими руками:

– Вот-вот. Ни за что не надо говорить.

– А я буду для тебя недостижимой мечтой. Я буду чинить твоё бельё, читать с тобой стихи. Ты любишь творожники? Я тебе когда-нибудь приготовлю творожники. Наша близость должна быть как сон золотой.

А я все:

– Вот именно, вот именно.

И, откровенно говоря, эта ее идея насчет штопки мне даже, так сказать, сверкнула своей улыбкой. Я человек одинокий, безалаберный, а такая дамочка, которая сразу проявила женскую заботливость, это в наше время большая редкость. Конечно, она несколько экзальтированно поняла мой комплимент, но раз это вызвало такие замечательные результаты, как приведение в порядок моего гардероба, то можно

только радоваться и благодарить судьбу. Конечно, она мне не нравится, но (опять-таки народная мудрость!) – с лица не воду пить, а с фигуры и подавно.

Я ей на прощание обе ручки поцеловал. И потом, ночью, обдумав все это приключение, даже сам себе улыбнулся. В моей одинокой жизни можно только приветствовать появление такой чудесной женщины. Вспомнил и о творожниках. И это ведь недурно. Очень даже недурно.

Решил, значит, что все недурно, и успокоился.

А на другой день прихожу со службы, открываю дверь – а она сидит у меня в номере и сухари принесла.

– Я, – говорит, – обдумала и решилась. Говори мне «ты».

– Помилуйте! Да я недостойн.

– Я, – говорит, – разрешаю.

Вот черт! Да мне вовсе не хочется.

Я и уперся:

– Недостойн – и баста.

А она все говорит и говорит. И на самые различные темы. И все такие странные вещи.

– Я, – говорит, – знаю, что ты страдаешь. Но страдания – облагораживают. И смотри на меня как на высшее существо, на твой недостижимый идеал. Не надо грубых страстей, мы не каннибалы. Поэт сказал: «Только утро любви хорошо». Вот я принесла сухари. Конечно, у них нет таких сухарей, как у нас, чувские. У них дрянь. Они даже не понимают. Знаешь, я в тебе больше всего ценю, что ты русский. Французы ведь

совершенно не способны на возвышенное чувство. Француз, если женится, так только на два года, а потом измена и развод.

– Ну что вы? С чего вы это взяли? Да я сам знаю много почтенных супругов среди французов.

– Ну, это исключение. Если не разошлись, значит, просто им нравится вместе деньги копить. Разве у них есть какие-нибудь запросы? Все у них ненатуральное. Цветы ненатуральные, огурцы с полено величиной, а укропу и совсем не понимают. А вино! Да вы у них натурального вина ни за какие деньги не достанете. Все подделка.

– Да что вы говорите! – завопил я. – Да Франция на весь мир славится вином. Да во Франции лучшее вино в мире.

– Ах, какой вы наивный! Это все подделка.

– Да с чего вы взяли?

– Мне один человек все это объяснил.

– Француз?

– Ничего не француз. Русский.

– Откуда же он знает?

– Да уж знает.

– Что же он, служит у виноделов, что ли?

– Ничего не у виноделов. Живет у нас, на Вожираре.

– Так как же он может судить?

– А почему же не судить? Четыре года в Париже. Наблюдает. Не всем так легко глаза отвести, как, например, вам.

Тут я почувствовал, что меня трясти начинает.

Однако сдерживаюсь и говорю самым светским тоном:

– Да он просто болван, этот ваш русский.

– Что ж, если вам приятно унижать свою кровь...

– Его и унижать не надо. Болван он.

– Ну что ж – целуйтесь с вашими французами. Вам, может быть, и говядина ихняя нравится. А где у них филей? Где огузок? Разве у них наша говядина? Да у ихних быков даже и частей таких нет, как у наших. У нас были черкасские быки. А они о черкасском мясе и понятия не имеют.

Не знаю, в чем тут дело, но меня это почему-то ужасно рассердило. Я не француз, и обижаться мне нечего, а тем более за говядину, но как-то расстроило это меня чрезвычайно.

– Простите, – говорю, – Раиса Константиновна, но я так выразиться о стране, приютившей нас, не позволю. Я считаю, что это с вашей стороны некрасиво и даже неблагодарно.

А она свое:

– Заступайтесь, заступайтесь! Может быть, вам даже нравится, что у них сметаны нет? Не стесняйтесь, пожалуйста, говорите прямо. Нравится? Вы готовы преклоняться? Вы рады топтать Россию.

И такая она стала омерзительная, длинная, рот перекошенный, лицо бледное.

– Топчите, топчите Россию!

И что тут со мной произошло – сам не знаю. Только схватил я ее за плечи и заорал козлиным голосом.

– Пошла вон, ду-ура!

Я так орал, что соседи в стенку стукнули. Всего меня трясло.

Она еще на лестнице визжала что-то про Россию. Я не слушал. Я топтал ногами ее сухари И хорошо сделал, потому что, если бы выбежал за ней, я бы с ней прикончил. Потому что во мне в этот миг сидел убийца.

Я был на волосок от гильотины. Потому что как объяснишь французским присяжным русскую дуру?

Этого они понять не смогут. Вот этого французы действительно не могут.

Это им не дано.